

Александр Восьмой

**УЖАСЫ Плоть Машины 3
(Даффи Толстяк)**

18+

УЖАСЫ Плоть Машины

Александр Восьмой

**УЖАСЫ Плоть Машины
3 (Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

УЖАСЫ Плоть Машины 3 (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026 — (УЖАСЫ Плоть Машины)

Над городом вспыхивает зловещее медное сияние — падает комета, и привычный мир рушится в одно мгновение. Машины, ещё вчера бывшие бездушным железом, обретают жуткую жизнь: под стальными корпусами пульсирует чужеродная плоть, а их шёпот проникает в разум, размывая границы между человеком и механизмом. Марк выживает в этом кошмаре, добывая пропитание топором — рубит живую плоть из машин и продаёт её, чтобы не дать умереть себе и тем, кто ему дорог. Но цена выживания оказывается страшнее голода: металл проникает в его кровь, в его мысли, стирая человечность. В отчаянной попытке спасти город Марк бросает вызов самому сердцу катастрофы. Его борьба — это не просто схватка с монстрами, а отчаянная попытка удержать в себе искру человечности. Но когда кажется, что победа близка, возникает леденящий душу вопрос: действительно ли зло повержено — или оно лишь нашло нового носителя? Погрузитесь в мир, где каждый скрежет металла — предвестник ужаса, а выживание стоит дороже жизни.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

УЖАСЫ Плоть Машины

3 (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Багровый след в небе»

Марк стоял на краю крыши, вцепившись пальцами в шершавый бетон парапета так, что побелели костяшки. Ветер, который ещё час назад был просто ветром — прохладным, городским, пахнущим асфальтом и выхлопными газами, — теперь нёс с собой странный, металлический привкус, будто кто-то раскалил докрасна гигантскую сковороду и оставил её остывать посреди неба.

Город внизу жил своей обычной жизнью. В окнах загорался свет, по улицам ползли цепочки фар, светофоры ритмично щёлкали цветами, как послушные игрушки. Люди спешили домой, прижимали к уху телефоны, курили у подъездов, не подозревая, что мир вот-вот треснет по швам, и из трещины хлынет нечто, что не поддаётся ни логике, ни науке, ни молитве.

А небо... небо менялось.

Оно больше не было тёмно-синим, бархатным, усыпанным первыми робкими звёздами. Оно наливалось багрянцем — густым, маслянистым, словно кто-то пролил в вышину ведро свежей крови и теперь она медленно растекалась, пропитывая облака, окрашивая их в цвет запекающейся раны.

И в этом алом мареве, разрывая ткань атмосферы, летела она — медная комета.

Марк видел её не как точку света, не как далёкий холодный камень, летящий сквозь пустоту. Он видел её как живое существо — огромное, неуклюжее, но исполненное чудовищной целеустремлённости. Она редела, рассекая воздух, и этот рёв был не просто звуком — он отдавался в груди, вибрировал в зубах, заставлял дрожать стёкла в окнах на десятки этажей ниже. Это был стон умирающего титана, скрежет металла о металл, крик, который длился вечно и одновременно — лишь мгновение.

Поверхность кометы светилась, как раскалённая медь, но в глубине этого свечения Марк разглядел нечто, от чего у него похолодела спина: внутри, сквозь трещины и прожилки раскалённого металла, пульсировало что-то тёмное, вязкое, похожее на сгустки крови. Комета не просто горела — она билась. У неё было сердце.

Воздух становился всё тяжелее, гуще, плотнее. Он уже не струился, а стекал, как густой сироп, оседая на коже липкой плёнкой. Марк сделал вдох — и почувствовал, как лёгкие наполняются не кислородом, а чем-то чужим, металлическим, горьким. Ему показалось, что он слышит, как меняется сама физика мира — как законы, на которых держалась реальность, начинают трещать по швам.

Где-то внизу, в лабиринте улиц, раздался первый крик. Потом ещё один. И ещё. Сначала редкие, одинокие, они быстро слились в единый, нарастающий гул — хор ужаса, который поднимался из города, как пар из кипящего котла.

Марк не знал, что именно происходит, но чувствовал: падение кометы — это не конец, а начало. Это заражение.

Он посмотрел вниз, на ряды припаркованных машин, выстроившихся вдоль тротуаров, как послушные стальные звери. Сейчас они казались безобидными — просто металл и пластик, двигатели и колёса. Но в этот миг, под багровым небом, в воздухе, пропитанном медью и страхом, Марку вдруг почудилось, что под гладкой поверхностью кузовов что-то шевелится. Будто внутри каждой машины, за слоями краски и стали, прячется нечто живое, ждущее своего часа.

Комета падала.

Её траектория неумолимо вела к центру города — туда, где старые заводы соседствовали с новыми жилыми кварталами, где бетонные коробки тянулись к небу, не в силах дотянуться до той бездны, из которой пришло это чудовище.

Марк отступил от края, чувствуя, как подгибаются колени. Он был бывшим автомехаником — человеком, который знал, как устроен двигатель, как звучит исправный стартер, как пахнет свежее масло. Он привык чинить машины, а не бояться их. Но сейчас, глядя на этот багровый кошмар, он понимал: скоро ему придётся узнать машины с другой стороны. С той, где под металлом прячется плоть, где вместо бензина течёт что-то иное, а вместо шестерёнок — мышцы и сухожилия.

Грохот нарастал. Земля дрогнула, как живое существо, почувствовавшее приближение смерти. Окна в домах зазвенели, потом треснули. Где-то с визгом сорвалась с петель дверь. Люди выбегали на улицы, задирали головы, кричали, плакали, молились — но никто не мог отвести взгляд от неба, где пылал этот чудовищный знак.

Комета вошла в плотные слои атмосферы — и на мгновение вспыхнула так ярко, что на секунду стерла из реальности весь город, превратив его в чёрный силуэт на фоне ослепительного медного пламени.

Потом был удар.

Не просто звук — это была физическая сила, волна, которая прокатилась по земле, сбивая с ног, ломая стены, вырывая деревья с корнем. Марк упал на колени, прижав руки к ушам, но это не помогло: грохот проникал не через слух — он вибрировал внутри черепа, отдавался в костях, заставлял зубы стучать друг о друга.

Когда пыль осела, небо всё ещё горело багровым, но теперь в нём не было кометы. Она упала. Где-то там, в сердце города, остался её след — воронка, пламя, хаос.

И тишина.

Но это была не спокойная тишина — это была тишина перед бурей. Та самая, когда мир замирает на долю секунды, чтобы потом взорваться чем-то невыносимым.

Марк поднялся, с трудом переводя дыхание. Его руки дрожали, но он знал: нельзя оставаться здесь. Нужно спускаться. Нужно увидеть, что стало с городом. И, возможно, найти то, что поможет выжить в этом новом, искажённом мире.

Он повернулся к выходу с крыши — и в этот момент услышал первый звук, который не принадлежал разрушенному городу.

Это был не треск горящего дерева, не стон искореженного металла, не крик человека.

Это был звук, похожий на тяжёлое, хриплое дыхание.

Доносился он снизу. От машин.

Словно они... проснулись.

Глава 2. «Пробуждение железа»

Утро не наступило — оно прокралось в город, как вор, неся с собой не свет, а обманчивую полутьму. Небо, ещё вчера багровое от следа кометы, теперь затянуло плотной пеленой, похожей на маслянистую плёнку, какую видишь на лужах после дождя в промзоне. Туман стелился по улицам, цеплялся за углы домов, обволакивал припаркованные машины, будто хотел скрыть то, что с ними происходило, до последнего момента. Но скрыть не получалось.

Марк спускался по лестнице многоэтажки, перешагивая через обломки штукатурки и куски стекла, оставшиеся после ночного удара. Каждый шаг отдавался в груди глухим эхом, а в ушах всё ещё звенела та самая тишина — та, что пришла следом за грохотом падения. Он не знал, чего ждать внизу, но инстинкт, отточенный годами выживания в разваливающемся мире, гнал его вперёд: нужно было проверить, что осталось от города, и найти хоть что-то пригодное для жизни.

Когда он вышел из подъезда, воздух ударил в лицо — густой, тяжёлый, с привкусом меди и чего-то ещё, кислого, почти гниlostного. Марк замер на мгновение, вглядываясь в улицу. Машины стояли на своих местах — те же самые, привычные, знакомые до последней царапины. Старый пикап у обочины, потрёпанный седан напротив, ржавый фургон дальше по улице. Но что-то было не так.

Это была не тишина спящего города. Это была тишина перед пробуждением.

И тут он заметил вибрацию.

Сначала Марк подумал, что это отголосок удара — земля всё ещё подрагивала, как после землетрясения. Но нет: дрожь шла не снизу, а от самих машин. Она была ритмичной, пульсирующей, словно под металлом билось сердце. Не мотор, не стартер — живое, неровное биение, которое проникало сквозь сталь и отдавалось в пальцах, если прикоснуться.

Он подошёл к пикапу — старому, надёжному, когда-то его любимому автомобилю, который он сам чинил сотни раз. Теперь это был уже не просто кусок железа. Марк положил ладонь на капот и почувствовал тепло. Не остаточное тепло двигателя, не нагретый солнцем металл — настоящее, живое тепло, как у спящего животного. Под гладкой поверхностью что-то шевелилось, перекатывалось, натягивая металл изнутри, будто кожа, натянутая на кости.

Марк отёрнул руку, но тут же заставил себя снова коснуться капота. Ему нужно было убедиться, что он не сходит с ума. И в этот момент внутри пикапа что-то глухо ударило о перегородку — раз, другой, третий. Как будто кто-то или что-то билось изнутри, пытаясь выбраться наружу.

— Нет... — прошептал Марк, отступая на шаг. — Этого не может быть.

Но город уже кричал об обратном.

Из соседних дворов донеслись первые крики — не от боли, не от ужаса перед разрушением, а от непонимания, от столкновения с чем-то настолько чуждым, что разум отказывался это принимать. Марк обернулся на звук и увидел, как женщина у соседнего дома в ужасе отпрянула от своей машины. Дверца автомобиля слегка подрагивала, будто изнутри кто-то на неё нажимал. А потом капот медленно, с натужным скрипом, приподнялся — не от сработавшего замка, а будто сам по себе, под давлением изнутри.

Женщина закричала снова, когда из-под капота показалась не деталь двигателя, не про- вода и не радиатор — а нечто, похожее на влажный, тёмный отросток, покрытый чем-то вроде полупрозрачной плёнки. Он шевелился, вытягивался, ощупывая воздух, как слепой язык.

Марк попятился, споткнулся о бордюр и едва не упал. В этот момент он услышал ещё один звук — тихое, хриплое дыхание, доносящееся сразу отовсюду. Машины... дышали. Каждая из них, казалось, втягивала в себя этот тяжёлый, маслянистый воздух и выталкивала его обратно с тихим, влажным выдохом.

Мир рушился не от удара кометы. Он рушился от того, что привычное становилось чужим. Машина, которая всегда была инструментом, помощником, средством передвижения, вдруг превратилась во что-то иное — в существо, в ловушку, в угрозу. То, что раньше защищало, теперь могло убить. То, что было создано руками человека, обернулось против него.

Марк стоял посреди улицы, окружённый машинами, которые больше не были просто машинами. Они были живыми. И они просыпались.

Где-то рядом заскрежетал металл — это фургон на перекрёстке медленно, неуклюже сдвинулся с места. Не включил фары, не завёл двигатель — просто пополз вперёд, как раненое животное, волоча за собой обрывки проводов и капая на асфальт чем-то густым, похожим на кровь, смешанную с маслом.

Люди выбегали из домов, кричали, звали на помощь, пытались завести свои автомобили, чтобы уехать, спастись. Но ключи больше не работали. Замки не открывались. А те, кто всё же пытался сесть за руль, исчезали в темноте салонов, откуда доносились короткие, отчаянные крики, быстро сменяющиеся тишиной.

Марк понял: бежать некуда. Город был окружён не стенами, а этими живыми машинами, которые теперь контролировали каждую улицу, каждый переулок.

Он огляделся в поисках чего-то, что могло бы защитить его, дать шанс выжить. Взгляд упал на пожарный щит у стены ближайшего здания. Топор. Тяжёлый, надёжный, с острым лезвием. Марк сорвал его с креплений, почувствовав, как холодная рукоять ложится в ладонь, возвращая ему хоть каплю уверенности.

В этот момент пикап, к которому он прикасался минуту назад, резко дёрнулся. Капот распахнулся с треском, будто его разорвали изнутри. Из моторного отсека высунулось нечто — переплетение тёмных, влажных мышц, покрытых тонкой плёнкой, сквозь которую просвечивали медные прожилки. Оно извивалось, тянулось вперёд, ища, хватая воздух.

Марк поднял топор.

Не для того, чтобы чинить. Не для того, чтобы спасти. А чтобы защищаться. И, возможно, чтобы добывать то, что теперь стало единственным источником пищи в этом новом, искажённом мире.

Город больше не принадлежал людям. Но Марк не собирался сдаваться без боя.

Глава 3. «Топор и плоть»

Голод пришёл не как гость — он ворвался в город, как ещё один хищник, только невидимый, но оттого не менее жестокий. Он не рычал, не скреб когтями по стенам — он тихо, методично высасывал силы, заставлял руки дрожать, а мысли становиться короче и примитивнее. К третьему дню после падения кометы магазины были пусты. Не просто разграблены — вылизаны до последней пылинки. Консервы, крупы, даже просроченные батончики — всё исчезло в первые же часы, когда люди ещё верили, что это временное бедствие, что вот-вот приедет помощь, включат свет, откроют дороги.

Но дороги были перекрыты. Не обломками зданий, не завалами — машинами. Живыми машинами. Они больше не стояли смиренно на парковках. Они шевелились, медленно переползали с места на место, будто осваивали новые тела, учились владеть неуклюжими металлическими формами. И они охраняли улицы. Тот, кто пытался пройти, исчезал в темноте салона или под скрежетом капота — и больше не возвращался.

Электричество пропало на вторые сутки. Сначала мигали лампы, потом они вспыхивали в последний раз — и гасли навсегда. Город погрузился в полумрак, который не рассеивали даже редкие фонари: их провода были перегрызены или вырваны с корнем — будто сами улицы восстали против человеческой цивилизации.

Марк сидел в своей квартире, прижавшись спиной к холодной стене, и смотрел на топор, лежащий на полу рядом. Тяжёлый, с потемневшей от времени рукоятью, с лезвием, которое он наточил до опасной остроты. Это был не просто инструмент — это был его приговор и его спасение.

Он не ел уже почти двое суток. Желудок сжимался в тугий узел, голова кружилась, а перед глазами то и дело вспыхивали тёмные пятна. Но хуже голода был страх — не перед машинами, не перед тьмой, а перед тем, что придётся сделать, чтобы выжить.

Наконец, он поднялся. Ноги были ватными, но он заставил себя идти. Топор он взял не для защиты — хотя и это тоже. Он взял его для работы. Для новой, немислимой работы.

Улица встретила его тишиной, нарушаемой лишь редкими, глухими звуками — будто где-то вдалеке кто-то медленно, с усилием, глотал. Марк шёл, прижимаясь к стенам, стараясь не смотреть на машины, выстроившиеся вдоль тротуаров. Они казались спящими, но он знал: они не спят. Они ждут.

Его целью был старый пикап — тот самый, к которому он прикасался в день пробуждения железа. Теперь он выглядел иначе. Краска на кузове потрескалась, будто металл стянуло

изнутри, а по бокам тянулись тонкие медные прожилки, похожие на вены. Машина слегка подрагивала, ритмично, как будто дышала.

Марк остановился в нескольких шагах от неё. Его руки сжимали рукоять топора так крепко, что пальцы побелели. Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох — и тут же закашлялся: воздух был пропитан странным запахом — смесью машинного масла, сырого мяса и чего-то кислого, почти гнилостного.

— Прости, — прошептал он, сам не зная, кому адресованы эти слова — машине, городу, или тому, кем он был раньше.

Первый удар пришёлся по капоту. Металл не поддался сразу — он застонал, прогнулся, но выдержал. Второй удар был сильнее. Лезвие вонзилось глубже, оставив глубокую борозду. Третий — и сталь треснула, разошлась, как старая ткань.

И тогда Марк увидел это.

Под металлом не было двигателя. Не было поршней, цилиндров, ремней и трубок. Вместо этого там была плоть. Плотная, тёмно-красная, пронизанная толстыми жилами, в которых пульсировала густая, медного оттенка жидкость. Мышцы перекачивались под тонкой полупрозрачной плёнкой, будто пытаясь отпрянуть от света, от лезвия, от человека.

Запах ударил в нос — резкий, животный, смешанный с металлическим привкусом. Марк отшатнулся, его замутило, желудок сжался в спазме. Но голод был сильнее. Он стиснул зубы, поднял топор снова — и ударил.

Лезвие вошло в плоть, рассекая мышцы, разрывая жилы. Оно не скользило, как по дереву или металлу — оно цеплялось, сопротивлялось, будто само тело не хотело отдавать себя. Марк рубил, отделяя куски, стараясь не думать о том, что делает, не представлять, как эта плоть могла выглядеть внутри, как она могла двигаться, жить.

Куски падали на асфальт — тяжёлые, влажные, с тёмными сгустками, похожими на запекшуюся кровь. Марк складывал их в старый рюкзак, стараясь не смотреть на то, как они слегка подрагивают, будто ещё не до конца умерли.

Когда он закончил, пикап тихо застонал — звук был не металлическим, а живым, почти человеческим. Марк отступил, тяжело дыша, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. Его руки были в липкой смеси крови и масла, лезвие топора потемнело от странного налёта, похожего на медную пыль.

Он стоял, глядя на свою добычу, и понимал: это только начало. Город умирал, и чтобы выжить, ему придётся стать частью этого нового, чудовищного порядка. Он больше не был автомехаником. Не был просто выживальщиком. Теперь он был мясником — мясником машин.

Собрав рюкзак, Марк двинулся дальше, туда, где, по слухам, ещё работал один магазин — не продуктовый, а чёрный рынок, где принимали всё, что можно обменять на жизнь. Люди там покупали и продавали странные вещи: патроны, воду, лекарства... и еду. Теперь у Марка было то, что могло стоить дорого.

Он шёл по тёмной улице, сжимая рукоять топора, и чувствовал, как город смотрит на него — не глазами, а тысячами металлических поверхностей, отражающих тусклый свет. Машины не нападали. Они будто наблюдали. Ждали.

И где-то в глубине души Марк понимал: возможно, однажды они захотят вернуть своё.

Глава 4. «Тёмный рынок»

Окраина города всегда была местом, куда люди заглядывали лишь по необходимости: промзона с облезлыми складами, ржавыми воротами и улицами, где асфальт давно сдался под напором времени и непогоды. Теперь же эта глушь стала сердцем новой экономики — там, где отчаяние встречалось с алчностью, а выживание измерялось не деньгами, а тем, что можно обменять на глоток воды или один лишний день жизни.

Марк шёл по разбитой дороге, сжимая в руке топор, а за спиной — рюкзак, набитый тяжёлыми, влажными кусками. Каждый шаг отдавался в груди глухим эхом, а в голове крутилась одна мысль: «Только бы хватило. Только бы приняли». Он не знал, чего ждать от этого места, но слухи, гулявшие по руинам города, были однозначны: на заброшенном складе у старого железнодорожного тупика теперь собираются те, кто готов платить за мясо машин.

Туман, ставший постоянным спутником города, стелился по земле, цепляясь за ржавые контейнеры и обломки заборов. Он был не просто влажным — он был маслянистым, липким, оседал на коже тонкой плёнкой, которую невозможно было стереть. Марк чувствовал его вкус на губах — металлический, горький, будто сам воздух пропитался кровью и маслом.

Когда он подошёл к складу, первое, что бросилось в глаза, — это свет. Не яркий, не приветливый, а тусклый, дрожащий, вырывающийся из щелей в стенах. Он был похож на свет гнилушки в тёмном лесу — слабый, но заметный, манящий тех, кто блуждает во тьме.

У ворот стоял человек — высокий, худой, в длинном плаще, который казался слишком тяжёлым для его костлявого тела. Лицо его скрывала маска — не медицинская, не защитная, а нечто странное, сделанное из кусков металла и тёмной ткани, с прорезями для глаз, в которых мерцал тусклый свет. Он не спросил, кто идёт, не потребовал пароля — просто скользнул взглядом по рюкзаку Марка, хмыкнул и кивнул в сторону приоткрытых ворот.

— Заходи, — голос был хриплым, будто его хозяин давно не говорил вслух. — Здесь покупают всё, что может спасти жизнь. Или продлить её хоть на день.

Внутри склада царил полумрак, разрезаемый редкими лампами на аккумуляторах и кострами, разложенными в железных бочках. Тени плясали по стенам, искажая лица людей, делая их похожими на чудовищ из древних легенд. Здесь не было прилавков, не было витрин — только люди, сбившиеся в небольшие группы, перешёптывающиеся, торгующиеся, предлагающие друг другу то, что раньше казалось бесценным, а теперь стало просто товаром: патроны, бутылки с мутной водой, упаковки просроченных лекарств, куски ткани, которые когда-то были одеждой.

И мясо.

Мясо машин.

Оно лежало на кусках картона, на ржавых листах металла, на старых ящиках — тёмное, с медными прожилками, слегка подрагивающее, будто ещё не до конца смирившееся со своей участью. Запах висел в воздухе — густой, тяжёлый, смесь сырого мяса, машинного масла и чего-то кислого, почти гнилостного. Он проникал в лёгкие, оседал в горле, заставлял желудок сжиматься в спазме. Но люди здесь не морщились. Они вдыхали этот запах, как наркотик.

Марк подошёл к одному из «прилавков» — куску фанеры, положенному на два бетонных блока. За ним стоял мужчина в кожаной куртке, с лицом, покрытым сетью мелких шрамов. Его глаза были пустыми, но в них мерцал странный огонёк — не просто голод, а что-то большее, почти одержимость.

— Что принёс? — голос был низким, безэмоциональным, будто он спрашивал о погоде, а не о том, что могло спасти чью-то жизнь.

Марк расстегнул рюкзак, вытащил один из кусков и положил на фанеру. Мясо тяжело шлёпнулось, оставив на дереве тёмный след. Мужчина наклонился, поднёс кусок к лицу, втянул запах — и на мгновение его глаза закрылись, будто он испытал наслаждение.

— Мясо свежее, — наконец произнёс он, не глядя на Марка. — Вижу, рубил недавно. В нём ещё есть... жизнь. Это ценится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.